

- переданы Министерству экономического развития и торговли РФ и Министерству промышленности, науки и технологий РФ.
21. Для целей валютного регулирования портфельные инвестиции определены в Законе РФ от 9 октября 1992 г. N 3615-1 «О валютном регулировании и валютном контроле» (пп. «б» п. 10 ст. 1) как приобретение ценных бумаг.
22. В качестве такого закона, как мы выяснили, можно рассматривать Закон об инвестиционной деятельности в РСФСР.

А.А. Симатов

КРАЙНЕЕ СРЕДСТВО БОРЬБЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПРОТИВ УЖЕСТОЧЕНИЯ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ В ТЮРЬМАХ НЕРЧИНСКОЙ КАТОРГИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В современном российском обществе происходит переоценка многих периодов и событий отечественного исторического процесса, что вполне объяснимо исходя из господствующих на сегодня идеологических установок. Ниспровержение советской государственности предопределило иные подходы в анализе событий развития революционного движения в России до 1917 г.

В рамках советской историографии устоявшимся было мнение о том, что единственной революционной силой в борьбе с самодержавием являлись большевики. Под воздействием идеологической конъюнктуры сознательно принижался вклад представителей других политических партий в развитие революционного движения. Подобный подход следует считать несколько односторонним, не учитывающим противоречивый характер освободительного движения.

В действительности по своей стойкости и упорству в борьбе с царизмом как на свободе, так в тюрьме и на каторге большевиков нередко превосходили представители иных политических движений, в частности, социалисты-революционеры (эсеры).

В начале XX в. размах революционного движения в России, особенно в период первой российской революции 1905—1907 гг., привел к резкому увеличению числа заключенных в тюрьмах по политическим мотивам. Основным местом содержания большинства государствен-

ных преступников являлись тюрьмы Нерчинской каторги Забайкальской области, отвечавшие всем требованиям вынесения суровых судебных приговоров революционерам. Царизм в целях самосохранения стремился удалить из центральных регионов империи на возможно более длительные сроки представителей радикальных революционных организаций, боровшихся за общественное переустройство.

Таким образом, на Нерчинской каторге оказались представители различных политических партий, осужденные по весьма схожим обвинительным заключениям – «за попытку ниспровержения государственного строя».

К началу XX в. Нерчинская каторга фактически становится единственным местом в империи, где содержались наиболее опасные преступники, как уголовные, так и политические. Это было связано также и с тем, что после русско-японской войны 1904—1905 гг. Россия «потеряла» остров Сахалин, где ранее содержалось множество осужденных.

Каторжане-революционеры за редким исключением рассматривали свое пребывание в тюрьмах как явление временное. Они искренне верили в скорую победу революции и, соответственно, в ближайшее освобождение от тюремных оков. Именно этим, во многом, можно объяснить отсутствие у арестантов страха перед увеличением срока заключения в результате нарушения внутреннего тюремного распорядка, попытки к побегам и т. п.

В случае невозможности организации побега в той или иной тюрьме (к побегу стремились практически все) политические заключенные стремились использовать казематы для организации насыщенной внутритюремной жизни – создания тюремных общин, «вольного университета», театра и т.п. Такая активность политических объясняется тем, что опасные государственные преступники не ходили на работу, поэтому им, в отличие от уголовных, необходимо было занять свое свободное время. Весьма привлекательной для заключенных представлялась идея всеобщего равенства, получившая свое воплощение в создании тюремных коммун. Заключенные стремились любыми доступными способами помочь друг другу независимо от партийной принадлежности. Данная помощь заключалась в распределении продуктов и вещей, прибывших с воли, повышении своего образовательного уровня в «университете», выпуске внутритюремной газеты. Нахождение в казематах объективно способствовало консолидации в среде арестантов.¹ Но это были лишь пассивные формы борьбы.

Наибольшие противоречия среди исследователей вызывают имевшие место факты массовых убийств среди политических заклю-

ченных в ответ на те или иные действия представителей тюремной администрации. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что тюремщики, принимая решения в отношении арестантов, стремились добиться элементарного соответствия условий содержания букве закона, и не более того. Но именно эти санкции вызывали бурный протест политических заключенных, требовавших особые, «льготные» условия пребывания в тюрьме.

Самоубийство одного из лидеров боевой организации партии эсеров Е. Сазонова довольно показательным с точки зрения борьбы политических арестантов за свои права. Е. Сазонов, осужденный по факту убийства министра внутренних дел России В.К. фон Плеве, находился в Горно-Зерентуйской тюрьме Нерчинской каторги под особым надзором, о чем свидетельствовали секретные предписания Главного тюремного управления (ГТУ) империи.² В 1905—1910 гг. тюремный режим в Горном Зерентуе был относительно свободным: арестанты имели возможность перемещения внутри здания, не носили оков, читали прессу и т. п. Данное положение объясняется тем, что администрация тюрьмы сознательно проводила компромиссную политику, опасаясь возможного социального взрыва со стороны организованных политических заключенных в случае ужесточения режима. В определенной степени сказывалось влияние русской революции, неукомплектованность штата тюремных надзирателей, а также значительное «перенаселение» тюрьмы (в 1908 г. на 300 мест — 899 арестантов, в 1910 г. — 628 арестантов).³

Между арестантами и тюремщиками было установлено негласное соглашение, которое устраивало обе стороны. Вследствие этого многие арестанты, длительное время пребывавшие в столь «льготных» условиях, воспринимали их как естественное положение вещей.

В России на протяжении нескольких десятилетий, начиная с 1862 г., проводилась тюремная реформа, главной целью которой было стремление добиться соответствия положений законодательства и тюремного режима в духе новой пенитенциарной политики, предполагавшей раскаяние и исправление преступников. В связи с этим чиновники ГТУ в своих циркулярах постоянно подчеркивали необходимость приведения тюремного режима в соответствие с действующим законодательством. После 1907 г., когда в стране наступает политическая стабилизация, стремление упорядочить режим в тюрьмах империи становится все более явным.

В предшествующие годы представители тюремной администрации проводили довольно гибкую политику по отношению к заключенным. На начальника каторги и начальника тюрьмы осуществлялось давление с двух сторон: с одной стороны, циркуляры, распоряжения,

приказы вышестоящих органов, с другой – действия каторжан за расширение своих прав и интересов в заключении. В любой момент начальство могло ожидать отставки за недостаточно точное исполнение какого-либо циркуляра. Арестанты угрожали прежде всего возможностью покушения на жизнь чиновника, членов его семьи, а также передачей сведений в отечественную и зарубежную печать в случае ужесточения режима, в котором то или иное должностное лицо выступало в качестве конкретного виновника. Тюремные администраторы старались удержаться в этой непростой для них ситуации и угодить в определенной степени обеим сторонам. Такой линией поведения были недовольны и в Чите, и в Петербурге, следствием чего явилось назначение в 1910 г. начальником Горно-Зерентуйской тюрьмы И.И. Высотского, человека жесткого и бескомпромиссного. Чиновники тюремного ведомства связывали с ним возможность наведения порядка в Зерентуе. И они не ошиблись. И.И. Высотский был фанатично предан самодержавию и будучи человеком холостым, не опасался угроз каторжан в свой адрес.⁴

В мемуарах революционеров, бывших политкаторжан, этому человеку дана крайне негативная оценка как главному виновнику Зерентуйской трагедии, хотя Высотский стремился просто навести законный порядок в тюрьме. Политические арестанты демонстративно игнорировали любые распоряжения нового начальника: не вставали с мест в камерах, когда он входил; не снимали шапок перед начальником, как этого требовал закон; не отвечали на обращения представителей новой администрации тюрьмы; объявляли голодовки. Фактически арестанты во многом провоцировали новое тюремное руководство принимать более жесткие по отношению к себе меры. Не следует забывать, что все осужденные революционеры рассматривались новым начальником как наиболее опасная категория арестантов, совершивших тяжкие государственные преступления. И.И. Высотский был представителем государственной власти и любые выпады в свой адрес со стороны политзаключенных воспринимал как посягательство на действующее законодательство, которое он должен был защищать.

Когда Высотский принимал тюрьму и столкнулся с арестантами в первый раз, он отправил нескольких политических в карцер за нарушение приветствия начальнику тюрьмы.⁵ После этого случая в тюрьме в любой момент мог разразиться конфликт между политическими и новым начальником. 27 ноября 1910 г. было положено начало трагическим событиям в Зерентуе. Камнем преткновения стал вопрос о том, вставать или не вставать при входе начальника в камеру, а также о форме ведения разговора: обращение на «ты» или на «вы». Высотский

же продолжал проводить свою политику и на компромиссы идти не желал. В результате этого заключенного Петрова избивают (начальник назначил 35 ударов) и отправляют в карцер. Но перед этим Петрову удалось ударить по голове надзирателя Сморгевского. В тот же день наказан каторжанин Смолянский за то, что бросил хлеб к ногам Высотского и сказал: «Ведь я и сижу на каторге за непризнание законов. Не надо мне вашего хлеба». ⁶ В ответ на эти два случая наказания все политические заключенные объявляют голодовку, а Михайлов, Кунени-Коренев, Пухальский и Одинцов покушаются на самоубийство, но товарищи в камерах не дают им умереть. Высотский не желает слушать советов начальника каторги о том, что переходить к репрессиям таким образом совершенно нецелесообразно и что это может вызвать нежелательные последствия со стороны каторжан. ⁷

Если при прежнем начальнике тюрьмы, когда умер каторжанин Селяев и заключенным не разрешили проводить его в последний путь, они устроили настоящую демонстрацию в камерах, запели революционные песни, то при Высотском такого, конечно, произойти не могло. Когда арестанты почувствовали, что воздействовать на начальника трудно, они прибегли к крайнему средству борьбы — самоубийству. «Расчет» был достаточно прост — широкий общественный резонанс в стране и за рубежом и, как следствие этого, — послабления в режиме.

Следует отметить, что Е. Сазонов, лидер эсеровской фракции в тюрьме, принял яд совершенно сознательно, без каких-либо колебаний. В случае, если бы его смерть ничего не изменила, он обращался к товарищам с призывом последовать его примеру. Во время уборки камеры Сазонов попросил Пирогова передать ему яд, как он говорил, «на всякий случай». После того, когда Пирогов передал морфий, Сазонов сказал: «Ну прощайте, братишки». Произошло это 28 ноября 1910 г. ⁸ Данный факт доказывает фанатическую преданность этого человека делу революции, его солидарность с соратниками по борьбе с самодержавием.

После смерти Сазонова каторжане через жену В.М. Серова, бывшего члена второй Государственной думы, отправили телеграммы в Петербург в Госдуму, в Иркутск генерал-губернатору и прокурору судебной палаты, в Читу — губернатору и прокурору. После этих обращений из Иркутска в Горный Зерентуй выезжает следственная комиссия для выяснения обстоятельств дела. В то же время политические выдвигают условия начальнику каторги Забелло, настаивая на переводе значительной партии арестантов из Зерентуя в Кутомару. В противном случае заключенные грозят отправить протест за границу, где будет указано, что в этом деле замешан и Забелло. ⁹ Борьбу против Высотско-

го каторжане ведут совместными усилиями, не акцентируя внимания на различную партийную принадлежность. В определенной степени политические достигают своей цели – в 1912 г. И.И. Высотского переводят из Горного Зерентуя во Владивосток.

В борьбе с царским режимом революционеры искренне верили в то, что в будущем они смогут переустроить Россию на новых началах, в соответствии с иными экономическими, социально-политическими и даже морально-этическими подходами.

Е. Сазонов уходил из жизни с мыслью о том, что его смерть принесет несомненную пользу делу революции, позволит спасти товарищей. Довольно трудно давать безапелляционную оценку данным событиям с высоты сегодняшнего положения, когда многие прежде почитаемые идылы свергнуты и в обществе господствует негативное отношение к советскому периоду отечественной истории. Вместе с тем хотелось бы отметить, что при анализе событий политического противостояния в различные временные эпохи следует одинаково скрупулезно рассматривать действия всех противоборствующих сторон. Именно такой подход, на наш взгляд, позволит воссоздать действительно объективную картину многих драматичных событий отечественной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Симатов А.А. Режим содержания политических заключенных в Горно-Зерентуйской каторжной тюрьме Нерчинской каторги (1905-1910 гг.) - Чита, 1996. - С. 59.
2. ГАРФ, ф.29. оп.1, д.233, л.64.
3. Фомин А.А. Нерчинская каторга последних десятилетий (1888-1917 гг.) Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. - М., 1927. - С.40.
4. ГАРФ. ф. 29, оп. 4, д. 182, л. 9.
5. Пирогов В. Смерть Е. Сазонова // Каторга и ссылка. - 1922. - №3. - С. 21.
6. Фомин А.А. Указ. соч. С. 31.
7. Фомин А.А. Указ. соч. С. 40.
8. Пирогов В. Указ. соч. С. 71.
9. Плесков В.А. Памятные дни // Каторга и ссылка. - 1922. - № 3. - С. 43.